

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ВТОРОЙ.

1887.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ВОСЕМНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр. 9 лнн., № 12.

1888.

Секта „Людей истины“ — Аһлі һакк — въ Персіи.

Предлагаемая свѣдѣнія происхожденіемъ своимъ обязаны счастливому случаю. Въ бытность мою въ Ширазѣ весною прошлаго 1886 года, занимаясь изученіемъ одного изъ многочисленныхъ курдскихъ діалектовъ, я столкнулся съ человѣкомъ, который на самыхъ первыхъ порахъ поразилъ меня странными рѣзкими отзывами о мусульманахъ и чистосердечнымъ признаніемъ, которое пришлось какъ-то къ слову, что *«мы по нашему закону пьемъ вино, ѣдимъ мясо свиньи, не считая этого грѣхомъ, любимъ армянъ»* и пр. Стало очевиднымъ, что предо мною былъ сектантъ, но какой? На разрѣшеніе этого вопроса я и направилъ свои старанія, не сходя однако съ почвы лингвистическихъ работъ, чтобы не дать сектанту повода замѣтить, что его религіозныя убѣжденія интересуютъ меня не менѣе его языка. Вначалѣ это мнѣ удавалось, но когда я приступилъ къ записыванію религіозныхъ стиховъ, какъ обращиковъ однако курдскаго діалекта, то сектантъ круто оборвалъ безграничную свою доселѣ общительность и прямо заявилъ, что вмѣсто этого можно было бы записывать что нибудь другое. Къ счастью этотъ первый сильный приступъ подозрительности я кое какъ отразилъ и вымучилъ очень важный отрывокъ, легшій въ основаніе настоящей замѣтки. Эта то разразившаяся почти разомъ скрытность въ связи съ тѣмъ, что сектантъ мой хотя и былъ очень убѣжденный, но всетаки необразованный и даже неграмотный человѣкъ, простой крестьянинъ, служатъ главными причинами краткости моихъ замѣтокъ и неполноты, такъ какъ на нѣкоторые вопросы, возникающіе сами собою, онѣ дѣйствительно не даютъ никакого отвѣта. Но при всемъ томъ, я полагаю, онѣ не будутъ излишними для исто-

ріи и характеристики секты, о которой извѣстно очень мало, существующей, какъ можно догадываться, очень давно, и имѣющей всѣ данныя для того, чтобы существовать еще очень долгое время, не смотря на то, что она, такъ сказать, втиснута въ суровый исламъ, отъ преслѣдованій котораго всячески хоронить своихъ кліентовъ.

На сѣверозападъ отъ г. Шираза въ разстояніи 3—4 верстъ, немного далѣе прекраснаго сада Афф-абадъ, принадлежащаго Каввамуль-Муль-ку, лежитъ маленькая деревушка *Талахедѣшкз*, которая на ряду съ мусульманами-шіитами населена еще курдскими выходцами-сектантами, не имѣющими никакой внутренней связи съ мусульманствомъ. Эти выходцы принадлежатъ къ роду *Кузіевендъ* колѣна *Камхані* довольно значительнаго курдскаго племени *Гуранъ*, которое въ настоящее время осѣдло живетъ главнымъ образомъ въ Керриндѣ и его окрестностяхъ, перекочевывающіе же Гураны доходятъ до Зохаба и Ханыкина. Раздѣляясь на нѣсколько колѣнъ, какъ-то: *Гяхворъ*, *Базъяні*, *Камхані*, *Камъ-Зенджури*, *Вибіані*, *Баджилавенъ*, Гураны выдѣлили изъ себя много родовъ, разбѣянныхъ по Персіи далеко за предѣлами ихъ главнаго средоточія, т. е. западной части персидскаго Курдистана, въ частности же не одинъ десятокъ семействъ рода Кузіевендъ живутъ по разнымъ деревнямъ въ окрестности Тегерана, наибольшій же процентъ ихъ сосредотчивается въ селеніи *Сахрошуръ*. Курды Гураны въ высшей степени любопытны и интересны въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ потому что они имѣютъ свой собственный діалектъ, рукописный матеріалъ котораго хранится въ Британскомъ музеѣ ¹⁾, и во вторыхъ потому, что они выставляютъ главный контингентъ приверженцевъ секты, на которую я позволяю себѣ обратить вниманіе. Сами себя эти сектанты называютъ «людьми истины» *âhl-i hakk* ²⁾ *اهل حق* или прямо «истиною» *хакк*, *хакъикѣт* *حقیقت* (*ماحقیم* — «мы истина»), персы же шіиты крестятъ ихъ именемъ *Алі ілāhī*, т. е. почитающихъ Али за божество, или Курд-бачѣ, т. е. дѣти курдскіе, курдскаго происхожденія, или наконецъ Хурұс-кұш, т. е. убивающіе пѣтуховъ. Объ этой удивительной сектѣ нѣсколько словъ мы находимъ у *Petermann'a* ³⁾, проѣхавшаго черезъ Керриндъ въ концѣ 1854 г., и довольно обстоятельную замѣтку у *Comte de Gobineau* ⁴⁾, бывшаго въ Персіи немногимъ позже.

1) *Rieu*, Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum, II, 728—734.

2) Я пользуюсь транскрипціей, немного измѣненной, которая принята г. *Шѣреномъ* и *Радловымъ*, причемъ у меня *л* = французскому *l*.

3) *Reisen im Orient*, Leipzig 1861, B. II, 263.

4) *Trois ans en Asie* (de 1855—1858), Paris 1859, pp. 339—371.

Свѣдѣнія *Petermann*'а, строго говоря, не могутъ имѣть значенія какъ по своей отрывочности и краткости, такъ и потому, что нѣкоторыя имена собственныя извращены (отчасти благодаря Лоптусу, извѣстному раскопкамъ Ниневіи), а выводы *Petermann*'а случайны и слишкомъ далеки отъ истины.

Данныя *Gobineau* гораздо богаче и въ общемъ согласны съ матеріалами, которыми располагаю я для характеристики этой секты «людей истины». Нѣкоторой проблематичностью, на мой личный взглядъ, страдаютъ строки, посвященныя изложенію мірозданія и міроуправленія. Съ такою увѣренностью говорить объ этомъ отвлеченномъ предметѣ можно только тогда, когда есть подъ руками матеріалъ очень солидный, не въ видѣ какихъ либо устныхъ показаній самихъ адептовъ вѣры, гдѣ субъективность всегда играетъ сильную роль, да еще восточныхъ адептовъ, а въ видѣ литературныхъ памятниковъ—пѣсенъ, священныхъ стиховъ, трактатовъ, въ которыхъ было бы изложено то или другое ученіе и которые составляли бы достояніе цѣлыхъ поколѣній, а не разсужденіе того индивидуума, который въ данный моментъ сидитъ передъ вами. А *Gobineau* именно находился въ такомъ положеніи при изложеніи ученія «людей истины»; нигдѣ не видно, чтобы ему были извѣстны памятники и произведенія, на которые можно было бы опереться. Вотъ это то обстоятельство и заставляетъ меня съ нѣкоторою осторожностью относиться къ отвлеченнымъ теоріямъ *Gobineau*; оно же удерживаетъ меня отъ какихъ бы то ни было обобщеній и положительныхъ выводовъ, хотя на моей сторонѣ есть то маленькое преимущество, что я записалъ до 30 полустихій на гуранскомъ діалектѣ, въ которыхъ до нѣкоторой степени изложенъ символъ вѣры «людей истины».

«Люди истины» мусульманъ вообще и шіитовъ въ частности называютъ шаріатомъ (شریعت), и въ душѣ ихъ страшно ненавидятъ и презираютъ. Эта непріязнь вызывается многими причинами. Во первыхъ, мусульмане представители преобладающей религіи и «вѣры правой», отъ которыхъ «люди истины», какъ сектанты, должны до нѣкоторой степени скрывать свои религіозныя убѣжденія и охранять обряды. Затѣмъ, «люди истины» не могутъ положительно мириться съ великимъ заблужденіемъ, допускаемымъ мусульманствомъ, въ ученіи о законной чистотѣ и нечистотѣ тварей божіихъ. Они напротивъ говорятъ, что все созданное творцомъ чисто и прекрасно; считаютъ послѣдователей Корана чистыми и правовѣрными, а христіанъ напр. или «людей истины» нечистыми и невѣрными, есть горькое заблужденіе и ложь. Благодаря такому взгляду, сектанты съ большею любовью относятся къ

христіанамъ, что я испыталъ на себѣ, и даже считаютъ ихъ какъ бы своими одновѣрцами; по крайней мѣрѣ Кузіевендецъ изъ Талахедешка, который просвѣтилъ меня свѣтомъ истины, всегда говорилъ: صاحب ما با شما یکیم. «Господинъ, мы съ вами одно и тоже».

Не признавая нечистоты въ тваряхъ міра, «люди истины» употребляютъ въ пищу мясо свиней и птицъ, которыя не имѣютъ سنگدان¹⁾, равно пьютъ и вино, не считая этого отнюдь грѣхомъ, но пьютъ въ мѣру, потому что пьянство, и въ особенности безобразія «во хмѣлю» крайне не одобряются. Непростительнымъ они считаютъ страсть къ вину въ человѣкѣ, который забываетъ въ винѣ себя и потомъ становится способнымъ на всякіе дурные поступки.

Такимъ образомъ «люди истины» допускаютъ въ человѣкѣ только одного рода нечистоту — нравственную, которая, по ихъ понятіямъ, достигается дурными дѣлами, убійствомъ, грабежомъ и т. д., и отъ этой нечистоты сектанты стараются освободиться, преслѣдуя и изгоняя изъ своей среды лицъ, которыя почему либо довели себя до непохвальныхъ поступковъ.

Кромѣ сказаннаго нерасположеніе нашихъ сектантовъ къ персамъ-мусульманамъ объясняютъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, будучи очень строги къ самимъ себѣ въ дѣлѣ исполненія требованія религіи и нравственныхъ обязанностей, они хотятъ такую же строгость, но строгость дѣйствительную, не на однихъ словахъ, видѣть и въ мусульманахъ, а встрѣчаютъ на каждомъ шагѣ одно грубое лицемеріе, жизнь идущую въ разрѣзъ съ предписаніями كلام شریف (Корана), взаимное недоверіе, обманъ, жизнь только въ себя и для себя. Слѣдствіемъ такого сопоставленія является пожалуй и разумная ненависть къ мусульманамъ.

На видъ большая часть «людей истины» остаются, во избѣжаніе безплодныхъ нареканий со стороны мусульманъ, истинноправовѣрующими: исполняютъ, когда требуется, установленныя молитвы, предшествуемыя обязательнымъ омовеніемъ, ходятъ, скрѣпя сердце, въ мечети, и вступаютъ въ неизбѣжныя сношенія съ духовенствомъ при погребеніи напр., заключеніи брака, куплѣ и продажѣ земельного имущества и пр. Но немало однако и такихъ убѣжденныхъ лицъ, которыя считаютъ излишнимъ всякое притворство и открыто признаютъ, что не имѣютъ никакого вида молитвъ, омовеній; въ тяжелые для мусульманъ дни мѣсяца Рамазана не соблюдаютъ никакого поста, а му-

1) У Персовъ по шаріату птицы раздѣляются на двѣ категоріи: однѣ имѣютъ سنگدان (желудокъ, зобъ (араб. حوصلة, лежитъ около печени) и считаются дозволенными حلال; другія سنگدان не имѣютъ и для ѣды запрещены حرامъ.

сультанской мечети бѣгутъ какъ чумы. Мнѣ рассказывали, что одинъ изъ «людей истины» въ Ширазѣ обронилъ какъ разъ предъ мечетью обыкновенныя четки (تسبیح) и оставилъ ихъ тамъ изъ боязни, что онѣ сподобились той грязи, которая царитъ въ мечетяхъ. Тамъ происходятъ — ругань самая площадная, обманъ, надувательство, куренье кальяновъ, торговыя сдѣлки, сонъ хоть съ утра до вечера, все, кромѣ coitus съ женщиной; это на взглядъ строгихъ А'хлі хакк не приличествуетъ мечети, какъ сборному мѣсту для молитвы Богу. Другой сектантъ, идя съ мусульманиномъ, дошелъ до мечети и, на приглашеніе послѣдняго зайти на нѣсколько минутъ, бѣжалъ вмѣсто всякаго отвѣта и потомъ рассказывалъ своимъ единовѣрцамъ, что ему грозила большая опасность прогнѣвить Господа. Зайти въ мусульманскій вертепъ порока значить уже на шагъ удалиться отъ «истины» и рисковать быть занесеннымъ въ списки «склонныхъ» къ мусульманству, вѣрѣ въ самомъ корнѣ ложной и непривлекательной.

Если мусульмане не знаютъ самой сути вѣроученія «людей истины», а о нѣкоторыхъ обрядахъ ихъ имѣютъ превратное понятіе, то они всѣ убѣждены, что неотправленіе ими молитвъ, непосѣщеніе мечетей и несоблюденіе поста — не есть одно только дѣло нерадѣнія или лѣни; поэтому А'хлі хакк, строго говоря, нѣтъ никакой нужды хорониться и маскировать свое существованіе тѣмъ болѣе, что и самая физіогномія большей части изъ нихъ рѣзко выдаетъ ихъ прикосновенность къ сектантству.

Дѣло въ томъ, что «люди истины» не брѣютъ и не стригутъ усовъ, т. е. собственно той части, которая нависаетъ надъ губами и которую персы называютъ *آخور* водопійца. Чѣмъ это объясняется, для меня осталось непонятнымъ, но что сектанты придаютъ неподрѣзаннымъ усамъ большое значеніе и берегутъ ихъ пуще зѣницы ока — несомнѣнно. Мой Кузиевенецъ говорилъ мнѣ: «Ни за какія сокровища въ мірѣ не позволю никому коснуться одного волоска моихъ усовъ. Пусть меня всячески поносятъ, терзаютъ, даже убьютъ, но до усовъ не дотрогиваются».

Можетъ быть, въ усахъ по преимуществу заключается какая либо чудодѣйственная сила или способность постигнуть и носить въ себѣ истинную, подобно тому какъ сила тѣлесная была въ волосахъ Самсона; по крайней мѣрѣ на эту мысль наводитъ то обстоятельство, что Мухаммедъ ни подъ какимъ видомъ не признается сектантами потому только, что рѣзалъ усы. Такъ объяснилъ мнѣ мой А'хлі хакк, когда я, встрѣчая въ его разсказахъ имена Христа, Моисея, Давида, Веніамина, Имама Хусейна, Али и т. д., спросилъ, какого мнѣнія секта о Мухаммедѣ. — «По нашимъ преданіямъ несомнѣнно явствуетъ, что Мухаммедъ рѣзалъ усы и поэтому не могъ

- 10 Їбуме дїнум пїр Бенїомїнен.
 Їб кáне бедум дїні Несéирен,
 Їб кáна сакїнум зеїн пōк мéhren.
 Їндана оhїéи нухтé келōмен,
 Салōталлезїнум бōу серенцōмен.
- 15 Аламтáм Мусї сōhábи дефтéрен,
 Алеїһумōнум сōкбї'и Коусерен.
 Лоу куф чéшан аhád кї дїан.
 Бегéир же Алї аhádї нїан.
 Ве лам јўладум Дулдўл-субōрен,
- 20 Ва лам јáкунум Хевендекōрен.
 Алóm Алїен, самáдем сїррен,
 Лам јўладум маулōм не дўррен.
 Хéиреламáлем нéсрї нїјōзен,
 Веле зōлїнум чáпе пō'и сōзен.
- 25 Арéи сerrōфōн је рōзї мен,
 Је оjé у кáнўн је немōзї мен.
 Їер чáн гї јоумем hўч немезōнум,
 Бáле ве їгоура немōз мевōнум.

Это будетъ значить:

Друзья, прїйдите, послушайте одну тонкость и мою тайну:

Я скажу для васъ «стихи» моей молитвы.

Мое **قد قامت** «уже наступило» (подр. время молитвы **الصلوة**) ¹⁾ есть законность собранїя.

. ?

Мое **بسم الله** «во имя Бога», начало и конецъ его есть другъ.

Мое **رحمن ورحيم** «всемилостиваго и всемилосердаго» есть Господь.

Мое **الرحمن** «всемилостивый» есть Пїрі пїшнōм (?).

Мое **الرحيم** «всемилосердый» есть Давудъ, мой проводникъ въ дорогѣ (или «указующій дорогу мою»).

Мое **مالك** «владѣтеля» есть частичка существа (природы) божества Хвошинъ.

Мое **يوم الدين** «дня страшнаго суда» есть Пиръ (старецъ) Беньёминъ.

1) **الصلوة** **قد قامت** начало призыва къ молитвѣ въ самой мечети, который оттуда и называется **إقامة**.

Мое اِتَاكَ نَعْبُدُ «тебѣ мы служимъ» есть вѣра Несеѳра.

Мое اِتَاكَ نَسْتَعِينُ «тебя мы просимъ помочь»...? есть чистая любовь.
اِهْرَنَا «веди насъ»...? есть отрывокъ «слова».

Мое صِرَاطَ الَّذِينَ «по пути которыхъ»...? есть «конецъ».

Мое اِنْعَمْتَ «ты оказалъ милость» есть Муси (Моисей) «обладатель тетради» (секретарь).

Мое عَلَيْهِمْ «имъ» есть кравчій Коусера.

اِحْدُ لَهُ كَقَوَا... «(и нѣтъ) у него равнаго... никого» кто видѣлъ?

Кромѣ 'Али нѣтъ никого.

И мое لَمْ يُولَدْ «не рождается» есть ѣздокъ (всадникъ) на (лошади) Дульдудль ('Али).

Мое وَلَمْ يَكُنْ «и нѣтъ» есть Хевендекоръ (Господь, Божество).

Мое اَللّٰهُ «Богъ» есть 'Али, мое صَمِدٌ «вѣчный» есть «тайна».

Мое لَمْ يُولَدْ «не рождается»....?

Мое خَيْرُ الْعَمَلِ «лучшее изъ дѣлъ» есть принесеніе жертвы (niĵōs).

Мое وَلَا الضَّالِّينَ «и не заблуждающихся» есть хлопанье въ ладоши подъ инструментъ.

Да, друзья, вотъ тайна моя,

Вотъ стихи и положенія, вотъ молитва моя.

Сколько ни есть дней моихъ, (?) я ничего не знаю.

Да, и такимъ образомъ читаю молитву (немѣз) ¹⁾.

И такъ, свое вѣроученіе сектанты называютъ «религією Нусейра» (символь, строка 11) и начало его ведутъ отъ нѣкоего Мухаммеда ибнъ Нусейра, современника 'Али, зятя Мухаммеда. По преданію шитовъ мусульманъ, кото-

1) Несовершенство перевода и обиліе въ немъ вопросительныхъ знаковъ объясняется искаженностью текста и его относительной недоступностью. Въ искаженной арабской части можно еще было разобраться и восстановить правильное чтеніе, имѣя ея источникъ Коранъ и общезвѣстныя арабскія формулы; часть же курдская — гуранская (тоже безъ сомнѣнія сильно искаженная) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осталась, не смотря на всѣ старанія, темною и необъясненною. Я лично не знаю этого діалекта, а сектантъ владѣлъ гуранскимъ діалектомъ настолько, насколько нашъ простой людъ владѣетъ и понимаетъ церковно славянскій яз.: могъ мнѣ передать общій смыслъ, но не могъ растолковать значенія отдѣльныхъ словъ. Хотя правильный текстъ необходимъ и желателенъ, но въ данномъ случаѣ извращенность не вредитъ дѣлу и мой «Символь вѣры» служить великую службу, потому что я узналъ о немъ и записалъ его уже послѣ того какъ сообщаемыя извѣстія о «людяхъ истины» были мною собраны: онъ только подтвердилъ вѣрность всего записаннаго мною. Такое значеніе онъ не перестаетъ имѣть при несовершенствѣ его текста. (Послѣ всего сказаннаго, само собою разумѣется, что приведенный «символь» никоимъ образомъ не можетъ и не долженъ служить образцомъ гуранскаго діалекта ни въ лексическомъ, ни въ грамматическомъ отношеніи.)

рое подтверждають и А'һлі һакк, 'Али нужно было двинуться куда то съ своими солдатами, въ числѣ которыхъ былъ и Мухаммедъ сынъ Нусейра. Въ назначенный день онъ за тяжкою болѣзнію не могъ явиться къ отправленію своихъ обязанностей, и извиниться за него пришла его старуха мать. Али приказалъ привести недужнаго и на глазахъ массы народа исцѣлить его. Поднявшійся Мухаммедъ громогласно заявилъ, что 'Али—Богъ, что обыкновенному человѣку не дано творить чудесъ. «Нѣтъ божества кромѣ Бога единаго», сказалъ Али,—«твой слова чистое невѣріе — کفر», и съ этими словами обнаженнымъ мечомъ разрубилъ Мухаммеда на двѣ части. Мать заплакала слезами. Тогда Али, снизойдя къ ея положенію, оживилъ сына.

Воскрешенный еще разъ подтвердилъ, что Али—Богъ, и что его убійденія не заглушаютъ никакія увѣщанія, ни самая смерть. Оттуда, добавляетъ преданіе, и «стали есть» Алі-ілаһі или *Нусейри*, т. е. почитающіе Али за Бога.

Мы увидимъ сейчасъ, что нашимъ сектантамъ это названіе не вполне подходитъ, и что съ дѣйствительными Нусейритами (Сиріи) они общаго ничего не имѣютъ. «Люди истинны» полагаютъ прежде всего, что до начала вѣковъ была только одна высшая безгрѣшная сила, Богъ, которая, ни въ чемъ видимомъ не проявляясь и въ тоже время существуя, составляла собою положеніе, которое именуется «тайной»—сірр (строка 21 символа). Это начало называется Хвошинъ (стр. 9), Шахвошинъ, Хевендекоръ (стр. 6, 20) или Султанъ Исхакъ. Это положеніе на время было прервано и «тайна» отчасти сдѣлалась явной при твореніи міра, на которое выдѣлилась часть высшей силы, такъ что все видимое — твари и предметы есть ничто иное, какъ само высшее начало, вѣчное, облеченное только въ матеріальную, вещественную временную форму.

Такое ученіе о присутствіи въ каждомъ предметѣ частички божественной, заррѣі збте Хвѡшѡн, какъ говорятъ сектанты (стр. 9), проповѣдуетъ также одна секта суфіевъ, послѣдователи которой до сихъ поръ существуютъ въ Персіи, именно *Хулюли*. Они говорятъ, что خداوند حلول غوده در اجسام کلاما في الورد وکالتار في النغم т. е. «Господь возшелъ въ тѣла, какъ вода (входитъ) въ розу и какъ огонь въ уголь».

Но независимо отъ сказанной божественности, разлитой во всемъ мірѣ, Шахвошинъ иногда съ особенною силою воплощается¹⁾ въ томъ или другомъ лицѣ и появляется на землѣ. Такъ, слѣдомъ же за сотвореніемъ міра онъ явился въ видѣ Беньѣминъ (стр. 10), Паръ Додъ (стр. 8), Муси (стр. 15),

1) Когда заходила рѣчь о воплощеніи, сектантъ мой пользовался крайне интереснымъ выраженіемъ بلباس آمدن «войти въ одежду, платье», *воплотиться*.

которые и поставили законъ гражданской жизни, вѣры, обряды, словомъ, устроили, оформили жизнь и дали ей правильное теченіе. Какія въ частности были обязанности этихъ неземныхъ существъ, за недостаткомъ данныхъ сказать трудно; въ нашихъ стихахъ эпитетомъ Давуда служить «проводникъ» *rōhnumō*, а Миси или Муси — *sōhābí defter* «секретарь» (его называютъ также прямо *نویسنده* «пишущій, записывающій» или *دفتردار غیب* «секретарь сокровеннаго») ¹⁾.

Предоставивъ людямъ слѣдовать установленнымъ порядкамъ и законамъ, божественные учителя покончили свое земное странствованіе и возвратились къ своему первообразу, источнику. За этими воплощеніями первой важности слѣдовала масса другихъ низшихъ инстанцій вотъ по какому поводу. Всѣ люди при несомнѣнной связи съ Шахвошиномъ являются на свѣтъ съ задатками двухъ враждебныхъ другъ другу началъ — *ума* и *страсти*. Въ то время какъ первый служить источникомъ всего хорошаго, вторая толкаетъ человѣка на дурную дорогу; онъ же, человѣкъ, въ своихъ дѣлахъ располагаетъ *اختیار* омъ, *доброю волею*. Вслѣдствіе этой борьбы, въ которой перевѣсъ иногда переходитъ на сторону силы страсти, происходитъ уклоненіе отъ божественныхъ предначертаній, понятія путаются, извращается чувство истины, правды и добра. Вотъ въ такія то смутныя времена для освѣженія, для обновленія законовъ и истины и возстановленія ея первоначальной силы и значенія, являются личности, въ которыхъ Шахвошинъ воплощается значительно болѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ смертныхъ. Таковыми воплощеніями были Авраамъ, Спаситель, 'Али и много другихъ, смотря по тому, въ какихъ странахъ приходилось жить «людямъ истины» и съ какими вѣровсповѣданіями они сталкивались. Вотъ въ какомъ смыслѣ у сектантовъ 'Али — Богъ; если на этомъ основаніи можно ихъ называть 'Алі-і-lāhī, то прозванія Īsā-ī-lāhī, Ibrāhīm-ī-lāhī также для нихъ вполне уместны, потому что 'Али ничѣмъ не отличается отъ Иисуса, послѣдній отъ Авраама, — всѣ они, какъ справедливо заключаютъ «люди истины» — Шахвошинъ. Но изъ

1) У *Gobineau*, I. c. p. 348, сфера ихъ дѣятельности строго разграничена; при этомъ на ряду съ ними и на тѣхъ же правахъ играетъ роль четвертое воплощеніе *Pyr Rezbar*.

Petermann, I. c. p. 263, самъ слышалъ только о трехъ святыхъ: Benjamin, Dawud и Jazikār, а со словъ Лофтуса говоритъ далѣе о четырехъ (стр. 264): «Sie trennen Gott in 4 Personen, verehren Moses, Jesus und 'Aly und ihren grössten Heiligen, Babi Jekka (so nannte er (Loftus) den Jāzkār) als Gott». Что касается Jazikār'a, то это Бѣббъ Ёдегѳр, о которомъ рѣчь будетъ ниже (стр. 22). Интересно то, что въ обоихъ сообщеніяхъ, божество воплощается въ тѣхъ или другихъ *четыре*хъ лицахъ, и мнѣ кажется, что «Пірі пішнѳм» (строка 7 символа) есть именно четвертый товарищъ Беньѳмина, Довуда и Муси. Къ несчастью мой сектантъ не сказалъ мнѣ ровно ничего по поводу «Пірі пішнѳм», почему и остается ограничиться простой догадкой, которая имѣетъ однако долю вѣроятія.

этого длиннаго ряда земныхъ проявленій божественности разныхъ временъ и мѣстъ, нѣкоторыя *предпочтительно* свою благотворную жизнь посвятили ищущимъ истины Персіи; такимъ путемъ выработалась разновидность сектъ въ особенномъ почитаніи того или другаго проявленія, въ культѣ того или другаго патрона, покровителя секты. Этимъ объясняется неоднократное упоминаніе имени Али въ нашемъ спискѣ, а выраженія: «бе геір же Алі аһаді ніан» «кромѣ Али никого нѣтъ» (стр. 18), и «Алѡм Аліен» — «Мое Алі есть Али» (стр. 21) никоимъ образомъ нельзя толковать буквально, потому что подобное толкованіе сильно противорѣчитъ ученію о Шахвошинѣ¹⁾; я въ этихъ словахъ вижу только усиленную преданность ему, но не исключительное почитаніе до отрицанія первичнаго божественнаго начала, точно такъ какъ другіе толки, признавая Шахвошина, Спасителя, Али и др., особенно чествуютъ Довуда или Ибрагима. Теперь становится болѣе понятнымъ, что слово іlāhī въ названіи Алі-іlāhī не имѣетъ мѣста, а если и имѣетъ, то не въ первоначальномъ значеніи, потому что на первомъ мѣстѣ стоитъ божество — Хевендекоръ, а за нимъ идутъ Беньѣминъ, Довудъ, Али и пр. земныя проявленія, тогда какъ у настоящихъ Алі-іlāhī или Носейритовъ Сиріи Али — Богъ непосредственно; разница существенная и громадная. Эта параллель впрочемъ, спѣшимъ оговориться, относительная и, пожалуй, преждевременная, потому что если мало извѣстно о Носейритахъ Сиріи²⁾, то о Носейритахъ Персіи ничего не извѣстно, въ особенности отвлеченная часть ихъ ученія, а не обрядовая: надобно ждать открытія и обнародованія литературныхъ сектантскихъ памятниковъ.

Далѣе, говорятъ сектанты, были неоднократные случаи, когда Шахвошинъ являлся въ міръ, вселяясь въ того или другаго человѣка въ извѣстные важные моменты, какъ это было напримѣръ съ Бабá-Тāhír'омъ, когда онъ ощущалъ въ себѣ притокъ необычайной силы и свѣта, и устами божественнаго начала глаголалъ истину.

Такова въ общихъ чертахъ вѣра Ahlī hakk, таково ихъ ученіе о земной жизни и законахъ ею управляемыхъ, для которой положенъ однако предѣлъ сер-енѡ́м سرانجام; что наступитъ за нимъ, я не могъ добиться отъ сектанта, но упоминаніе о «кравчемъ райскаго источника (Коусеръ)» (стр. 16 символа), обязанность Миси какъ секретаря сокровеннаго, нѣкоторая боязнь

1) Нельзя тѣмъ болѣе, что сопоставленіе «Алі» съ «Алѡ» можетъ быть совершенно случайнымъ, такъ какъ параллелизмъ приведеннаго «Символа» есть чисто внѣшній, а до внутренняго содержанія гуранскихъ и кораническихъ выраженій не относится.

2) У Huart, напечатаннаго въ Journal Asiatique, VII serie, tome XIV, pp. 190—261 «La poésie religieuse des Nošairis», указано все, что появилось въ литературѣ о сирійскихъ Носейритахъ до 1879 года.

за зачетъ грѣховъ со стороны божества, — служить, мнѣ кажется, тусклыми намеками на вѣрованіе въ загробную жизнь¹⁾.

Самъ собою является вопросъ, имѣютъ ли сектанты священныя книги, какъ сводъ ихъ ученія. Человѣкъ, съ которымъ я имѣлъ дѣло, категорически отвергалъ ихъ существованіе. Но взамѣнъ этого имѣютъ они обширную литературу религіозныхъ стиховъ, часть ихъ я видѣлъ собственными глазами, писанныхъ на гуранскомъ діалектѣ; не послѣднее мѣсто въ нихъ отведено преданіямъ и ихъ толкованіямъ. Стихи эти пользуются большимъ значеніемъ, и списки ихъ распространены даже между неграмотными людьми, которые хранятъ ихъ и всегда имѣютъ при себѣ²⁾. Писаны они тѣмъ классомъ людей, которыхъ сектанты называютъ дідэ-дѣр, людьми, которые, выдаваясь своимъ умомъ, лучше другихъ постигали суть ученія, могли разъяснять её другимъ, и, будучи строгими исполнителями божественныхъ предписаній, служили живымъ примѣромъ единовѣрцамъ. Среди этихъ дидедоровъ есть лица и чисто курдскаго происхожденія, и персидскаго.

Имена Теймұра, Шейхъ Амїра, Сей Берокъ, Лачикъ извѣстны только въ предѣлахъ Курдистана; изъ нихъ Теймуръ прославился какъ ярый противникъ ислама, съ которымъ, не скрывая своей принадлежности къ толку Аһлі һакк, онъ вступалъ въ открытые споры, плодомъ которыхъ было разсужденіе Усулі дін — اصول دین, гдѣ онъ проводилъ мысль, что нужно слѣдовать не буквѣ закона, а проникнуться его духомъ. Исходя изъ этого положенія, онъ обвинялъ шаріатъ въ распущенности, лицемѣріи и, какъ послѣдствіе ихъ жизни, онъ предсказалъ голодъ и чуму. Эти бичи, разсказываютъ, дѣйствительно были, и Теймуръ за предсказаніе былъ казненъ лѣтъ 30 тому назадъ въ Кирманшахѣ.

На ряду съ курдскими писателями, въ числѣ дидедоровъ мы встрѣчаемъ имена извѣстнѣйшихъ персидскихъ мистиковъ Джеялэддина Руми, Шемси Табризи³⁾ и Тахира, автора пока малоизвѣст-

1) Ангель смерти اسرافیل у сектантовъ называется Мусѡф.

2) Я не могъ воспользоваться ими никакъ: показывавшій мнѣ ихъ мой сектантъ былъ неграмотный, стало быть устно сообщить не могъ; продать списка не согласился ни за какія деньги.

3) Интересно въ высшей степени преданіе среди «людей истины», что Шемсъ родился безъ отца, и мать его осталась двѣстеницею. Отецъ матери Шемса однажды сидѣлъ у источника или рѣки въ глубокомъ созерцаніи. Вдругъ налетѣла туча и разразился страшный ливень; отецъ Шемса продолжалъ сидѣть и смотрѣлъ на водяные пузыри, которые появлялись на поверхности воды отъ паденія крупныхъ дождевыхъ капель. Одинъ изъ такихъ пузырей онъ ловить и заключаетъ въ бутылъ, тщательно закупориваетъ, несетъ домой и ставитъ въ какой то сокровенный уголокъ. Такъ проходитъ нѣсколько лѣтъ; отецъ Шемса собирается въ какое то далекое путешествіе и передъ самымъ отъѣздомъ завѣщаетъ дочери своей хранить бутылку и ни подъ какимъ видомъ не вздумать выпить содержащейся

наго¹⁾. Это явленіе вполне понятное. Ученіе суфіевъ о божествѣ, которое разлито во всей вселенной, о презрѣніи всего земнаго, о созерцаніи небеснаго, объ отверженіи внѣшнихъ формъ религіи, какъ совершенно ненужныхъ для божества, и пр. вѣдь, строго говоря, ничѣмъ не отличается отъ того, что проповѣдуютъ Ahi hak. Самое слово *حق* или *حقیقت* есть спеціальный терминъ суфизма: такъ называется то состояніе, когда человѣкъ ранѣ наступленія смерти вступаетъ въ полнѣйшее единеніе съ божествомъ, утопаетъ въ немъ и наслаждается полнымъ блаженствомъ.

При изложенныхъ вѣрованіяхъ сектанты живутъ на началахъ дружбы, считая другъ друга друзьями *jör* (символь, стр. 5) и отношенія свои «согрѣвая любовью чистою» *pök mehr* (стр. 12), поддерживая миръ и согласіе. Мало того, что любовь руководитъ всѣмъ въ отношеніяхъ людей, она переносится и на животныхъ. Иначе и быть не можетъ, потому что всюду «искра Божія»: мучить животное — значитъ оскорблять божество. Вотъ почему члены этого «братства о истинѣ» зорко слѣдятъ за проявленіями преступной воли, которыя нарушаютъ чистоту, нравственность и въ корнѣ противорѣчатъ культу божества Шахвошина.

При ошибкахъ малой важности дѣйствуютъ словомъ увѣщанія, а преступленіе влечетъ за собою полнѣйшее отреченіе «друзей» отъ лица его совершившаго: оно изгоняется изъ секты и не принимается обратно, не-

въ ней жидкости. Легко догадаться, что, съ отъѣздомъ отца, дочь первымъ дѣломъ выпила заповѣдный «пузырекъ» и «понесла», а черезъ 9 мѣсяцевъ, 9 дней и 9 часовъ родила сына — Шемса. Дѣдъ его, говоритъ преданіе, возвратился ранѣ самаго рожденія и при первомъ же взглядѣ на дочь понялъ, въ чемъ дѣло. Не есть ли это преданіе сильно извращенная исторія зачатія Пресв. Дѣвы Маріи отъ Св. Духа? Про Шемси Табризи, очевидно, существуетъ много легендъ среди сектантовъ; покрайней мѣрѣ я слышалъ еще и слѣдующее. Въ одинъ прекрасный вечеръ, далеко уже послѣ солнечнаго заката, въ Тавризѣ у Шемси Табризи сидѣлъ Джелалэддинъ Руми и еще нѣсколько человѣкъ. Шемси Табризи приказываетъ Джелалэддину отправиться въ домъ такого то армянина или еврея, купить громадную бутылъ вина, и безъ всякихъ предосторожностей принести ему, Шемсу. Какъ ни странно было это приказаніе, но Джелалэддинъ безпрекословно повинуется учителю. Съ бутылью на головѣ онъ сталкивается съ суровымъ полицейскимъ — *даруа*. На вопросъ послѣдняго, что онъ несетъ и куда, Джелалэддинъ не нашелся ничего отвѣтить и передалъ блюстителю порядка бутылъ съ виномъ. Полицейскій открываетъ, нюхаетъ, возвращаетъ удивленному Джелалэддину и проситъ его спокойно продолжать свою дорогу: бутылъ вмѣсто вина содержала розовую воду самаго высшаго достоинства....

Шемси Табризи гулялъ съ Джелалэддиномъ по городу Табризу. Не успѣлъ послѣдній обернуться въ сторону, чтобы посмотреть что то, какъ Шемсъ исчезъ. Вдругъ Джелалэддинъ слышитъ, что съ отдаленнѣйшаго минарета Шемсъ зоветъ его: «Пойди ко мнѣ!» Джелалэддинъ спѣшитъ, подходитъ къ минарету и видитъ, что на верху его стоитъ Шемсъ. Начинаетъ подниматься по лѣстницѣ, входитъ, — Шемса уже нѣтъ, и сейчасъ же раздается голосъ его съ противоположнаго конца города: «Джелалэддинъ! иди ко мнѣ!»....

1) См. о немъ *Clément Huart*, *Journal Asiatique*, VIII série, tome VI, p. 513; *Dorn*, *Mélanges Asiatiques*, V, 418.

смотря даже на раскаяніе (какъ напр. убійца); такъ что строжайшая мораль есть краеугольный камень ученія сектантовъ и, можетъ быть, та именно истина, къ которой они стремятся.

Характеръ «дружества» носитъ на себѣ и обрядовая сторона «людей истины», потому что наибавнѣйшіе обряды совершаются всегда цѣлымъ обществомъ.

Остановимся прежде всего на *собраніи*, *жертвѣ* и *тѣни* подъ аккомпаниментъ музыкальнаго инструмента съ прихлопываніемъ въ ладоши; все это, вмѣстѣ взятое, послужило, неизвѣстно какимъ образомъ, причиною возникновенія среди мусульманъ самой нелѣпой и безнравственной легенды о сектантскихъ радніяхъ. Жертва — *ніѣз* (строка 23) бываетъ двухъ видовъ: обязательная и добровольная. Всякаго рода выдающееся событіе, — рожденіе, смерть, бракъ, постъ, обязательно влечетъ за собою раздѣленіе жертвы, такъ что до нѣкоторой степени она играетъ роль нашей молитвы, необходимой во всѣхъ такихъ случаяхъ, и имѣетъ освящающій характеръ, характеръ священнодѣйствія, таинства. Это наибавнѣйшій пунктъ культа *Аһлі-һакъ*. Независимо отъ этого жертва можетъ имѣть мѣсто въ какое угодно время и свидѣтельствуетъ только объ особомъ усердіи и вѣрѣ лица, которое предлагаетъ еѣ обществу единовѣрцевъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ обрядъ совершается одинаково. Въ извѣстный день всѣ истинные сектанты деревни оповѣщаются для сбора въ какое либо мѣсто, которое при достаточномъ просторѣ можетъ вмѣстить лицъ, участвующихъ при церемоніи; такимъ образомъ мѣстъ, спеціально предназначенныхъ для собраній и жертвоприношеній, какъ христіанскіе храмы и мусульманскія мечети, у «людей истины» нѣтъ. Кажется, для раздѣленія жертвы предпочтительно избирается *день воскресный*, который хотя и не отличается сектантами ничѣмъ отъ другихъ дней недѣли внѣшнимъ образомъ, но почитается болѣе; «люди истины» говорятъ:

Јекшамѣ тѣкен, зѣтеш біѣібен,
Сірпи болѣбѣл, кѣрхонѣ'і зѣібен, т. е.

Воскресенье сводъ (?), существо его безъ изъяна,
Оно высочайшая тайна, мастерская сокровеннаго.

На собраніе допускаются всѣ истинные члены, т. е. тѣ взрослые, въ которыхъ подлинность приверженности свидѣлствуется не только наслѣдственностью, но ихъ собственнымъ сознаніемъ, жизнью согласно съ духомъ и требованіями «истины». Лица, вновь обращенныя изъ какого либо другого толка или вѣры, только тогда получаютъ право присутствовать на собраніяхъ, когда ихъ стойкость въ новой вѣрѣ тщательно провѣрена, и

дознано, что вѣроотступничество не есть временное, вызванное любопытствомъ, чему были, какъ говорятъ, неоднократные примѣры.

Дѣти равно какъ и подростки въ собранія ни подъ какимъ видомъ не допускаются; не участвуютъ въ нихъ и женщины. Исключеніе послѣднихъ тѣмъ болѣе странно, что онѣ у сектантовъ не стѣснены суровыми правилами затворнической жизни, находятся въ постоянномъ общеніи съ мужчинами и лицъ не закрываютъ даже предъ посторонними, исключая *шарі'ат'*¹⁾. Очень можетъ быть, что въ этомъ раздѣленіи половъ въ такомъ важномъ моментѣ, какъ жертва, сказывается невольное вліяніе жизненнаго склада и требованій преобладающаго населенія Персіи? Или дѣлается это ввидахъ предосторожности, такъ какъ у сектантовъ очень часты браки съ мусульманками-шіитками²⁾ и тутъ играетъ роль боязнь разоблаченія тайны этимъ женскимъ путемъ, путемъ женской болтливости, хотя съ другой стороны сами же Аһлі-накк, женатые на мусульманкахъ, съ замѣчательной похвалой отзываются о воспримчивости женъ, ихъ рѣдкой строгости въ дѣлахъ и правилахъ секты.

По мѣрѣ того какъ собираются участники, въ комнатѣ, гдѣ должно происходить таинство, можно вести бесѣды о чемъ угодно, курить кальяны, смѣяться, но съ того момента, когда вносится самая жертва, житейскіе вопросы отодвигаются на задній планъ, водворяется полнѣйшая тишина и благочиніе. Если ко всему сказанному прибавить, что собранія эти охраняются отъ мусульманъ (закрываютъ двери), то въ итогѣ получатся тѣ требованія, которыми и обусловливается селѣһи *демъ законность, точность собранія*, послѣ чего оно и считается *закрытымъ* (جمع بستن).

Жертва можетъ состоять въ чемъ угодно, лишь бы была съѣстная, начиная съ сахара, простыхъ конфетъ до барана, коровы; и тотъ, или другой видъ ея зависитъ отъ большей или меньшей важности случая, по которому она совершается, за исключеніемъ только жертвъ въ дни поста, крещенія новорожденнаго члена или принятія въ лоно «истины» челоуѣка, прежде исповѣдывающаго другую вѣру, когда обязательно требуются строго опредѣленные предметы. При этомъ соблюдается только слѣдующее правило: если жертва предполагается животное, то оно должно быть мужескаго пола; когда оно убивается, то кровь бережно собираютъ въ одно мѣсто и наблюдаютъ, чтобы она не попала собакамъ или другому животному; такъ же бере-

1) Замѣтимъ кстати, что сектанты не допускаютъ многоженства и не имѣютъ развода. А при свадьбахъ у нихъ исполняется обычай всѣмъ Курдамъ общій (такъ же Туркамъ окрестностей Гамадана), именно водятъ хороводы. Запѣвало съ платкомъ, въ срединѣ; кругъ смыкаютъ мужчины и женщины съ открытыми лицами.

2) Дочерей же своихъ они ни подъ какимъ видомъ замужъ за мусульманъ не отдаютъ.

гуть и кости, которыя послѣ съѣденія жертвы прячутся. Готовится самая жертва (варится, жарится, печется) обыкновеннымъ смертнымъ и кромѣ сказаннаго другихъ предписаній въ ея приготовленіи не имѣется.

Жертва вносится въ собраніе и полагается предъ лицомъ, скажемъ здѣсь, духовнымъ, который, прочитавъ надъ нею келѣмъ *слово* (стр. 13), дѣлитъ на части, которыя раздаетъ тутъ же присутствующимъ; доля лицъ, почему либо не могшихъ явиться въ собраніе, а также доля женщинъ и дѣтей разсылаются по домамъ. Что это за духовное лицо и «слово», которыя, такъ сказать, освящаютъ жертву *ніѣзъ*?

Въ моихъ стихахъ (стр. 4) оно именуется *хѣдемъ*, т. е. «служитель», которому предписывается оказывать почтеніе *суѣдъ*; въ бесѣдахъ со мною сектантъ называлъ его (это лицо) *сеѣѣдъ*омъ. Последнее слово невольно наталкивало на вопросъ о наслѣдственности извѣстныхъ правъ *хѣдемъ*овъ, но оказалось, что этотъ родъ священнослужителей назначается лицомъ высшей инстанціи, именуемымъ *халѣфѣ*, которое въ мѣстахъ, служащихъ колоніями «людей истинны», полагается на извѣстный округъ, въ которомъ и слѣдуетъ за дѣлами епархіи. Такъ, для выходцевъ Талахедешка *халѣфѣ* жилъ въ Сахрошурѣ, около Тегерана, потому что бывший у нихъ прежде свой скончался. Насколько я понялъ, прерогативы *халѣфѣ* переходятъ изъ рода въ родъ, восходя ко временамъ, давно минувшимъ, но откуда они ведутъ свое начало, — темно. Нѣтъ ничего мудренаго, что въ мѣстахъ Курдистана, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточиваются сектанты, и гдѣ гораздо болѣе такихъ родовъ *халѣфѣ*, послѣдніе именно и играютъ роль *хѣдемъ*овъ, и только въ колоніяхъ созданъ рангъ независимый. При выборѣ *хѣдемъ*а *халѣфѣ* предпочитаетъ людей особенно испытанныхъ, строгихъ и знающихъ. Въ тѣхъ возможныхъ случаяхъ, когда и такого человѣка въ данномъ мѣстѣ не окажется, во исполненіе обязанностей *хѣдемъ*а можетъ вступать всякій болѣе почтенный, заслуженный сектантъ, которому его единовѣрцы воздаютъ должное почтеніе, приличествующее сану.

Что касается келѣмъа, то имъ служатъ стихи нравственнаго содержанія, очень часто принадлежащіе персидскимъ мистикамъ-поэтамъ — Джебля-эддину Руми, Шемси Табризи, а также очень почитаемому Баба Тахиру, такъ что молитвъ, написанныхъ на тотъ или другой случай, сектанты не имѣютъ.

Слѣдующее крайне интересное преданіе говоритъ о началѣ установленія *ніѣзъ*а ¹⁾. Мѣсто дѣйствія приурочивается къ Ауроману, одному изъ округовъ персидскаго Курдистана (къ св. отъ Керринда).

1) *Gobineau* не слышалъ этого преданія, и у него объ этомъ предметѣ разсказывается совершенно иначе, I. с. р. 350.

Султанъ Исхакъ ¹⁾ въ сопровожденіи гуляма Давуда ходили по бѣлу свѣту и, добравшись до окрестности нынѣшняго Пердивера (съ этимъ именемъ мы еще встрѣтимся), задумали построить стѣну, — для какихъ цѣлей, преданіе не выясняетъ, — на землѣ принадлежащей нѣкому старцу Михаилу (Піръ Міка'їл). Давудъ, слѣдуя приказанію Исхака, началъ воздвигать стѣну. Піръ Михаилъ, провѣдавъ о томъ, что такъ безцеремонно распоряжаются на его собственности, сѣлъ верхомъ на льва, взявъ въ руки страшнѣйшаго змія и въ такомъ видѣ отправился отстаивать свои владѣнія. Давудъ извѣстилъ о такой приближающейся грозѣ своего господина. Султанъ, не смущаясь, приказалъ Давуду сѣсть верхомъ на отчасти уже выведенную стѣну и двинуться на встрѣчу, предупредивъ, что его, Султана, они найдутъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Давудъ, въ точности исполнивъ сказанное, тронулся въ путь и, повстрѣчавшись съ Піръ Михаиломъ, съ нимъ вмѣстѣ продолжалъ ѣхать далѣе, пока не добрались до рѣки, теперешней Соревонъ, на противоположномъ берегу которой ихъ уже ожидалъ Султанъ Исхакъ. Бѣшеная горная рѣка издавала страшный ревъ и мѣшала слышать одной сторонѣ другую; на это препятствіе переговорамъ обратилъ вниманіе Михаилъ. Султанъ тогда усмирилъ бушующую воду и бросилъ на нее коврикъ. При наступившей тишинѣ Султанъ и Михаилъ усѣлись на коврикѣ и вступили въ переговоры. Долго ли, коротко ли продолжалась ихъ бесѣда, только Михаилъ сталъ ощущать приступы голода, и объ этомъ заявилъ Султану. Въ этотъ самый моментъ на поверхности воды плеснулась рыба, которая, по знаку или слову Исхака, поднялась и покорно легла къ ногамъ его на коверъ. Султанъ, благословивъ, предложилъ Михаилу; этотъ сначала отказывался, полагая, что рыба сырая, но потомъ по настоянію Исхака воочію убѣдился, что рыба надлежащимъ образомъ изготовлена для употребленія въ пищу. Начали ѣсть, при чемъ Султанъ бережно собралъ кости своей части и своему же примѣру предложилъ послѣдовать своему недавнему противнику. Послѣ окончанія трапезы Султанъ прочелъ «слово» надъ оставшимися костями: рыба ожила и по мановенію Исхака возвратилась въ рѣчную глубину. Всего происшедшаго было вполне достаточно для Михаила, чтобы признать необыкновенную силу и нечеловѣческое естество Исхака; дальнѣйшія претензіи уже не могли имѣть *raison d'être*. Михаилъ сподобился свѣта «истины», а преломленіе рыбы послужило первообразомъ *ni'jōz'a*.

Иногда въ описанныхъ выше собраніяхъ сектантовъ съ окончаніемъ жертвы сейчасъ же начинается радѣніе, славословіе (по персидски ذکر گرفتن). Состоить оно въ томъ, что кто либо изъ присутствующихъ начинаетъ на-

1) См. выше, стр. 9.

распѣвъ на гуранскомъ діалектѣ читать въ стихотворной формѣ сказанія о Христѣ, Давидѣ, или какія либо разсужденія на нравственную тему; тотъ же самый чтець, если умѣетъ, въ противномъ случаѣ другой, играетъ на 2-хъ струнномъ музыкальномъ инструментѣ, который называется тамірѣ (у Персовъ тѳр). Послѣ извѣстнаго числа стиховъ (2 — 4) всѣ присутствующіе разомъ ударяютъ въ ладоши и въ одинъ голосъ хоромъ исполняютъ припѣвъ — мекѳм, которыхъ имѣется нѣсколько; изъ нихъ, какъ мнѣ разсказывалъ Кузиевендецъ, чаще другихъ употребляется слѣдующій:

Hei Доўўд, гѳи Доўўд! т. е.

О Давидъ, душа Давидъ!

Можно думать, что выборъ того или другаго мекѳм'а полагается на добрую волю и желаніе «радѣющихъ», и что онъ не стоитъ ни въ какой связи съ основнымъ чтеніемъ вслѣдствіе какихъ либо музыкальных требованій. Такого рода радѣніе и есть чѳпе пѳи сѳз приведеннаго символа (стр. 24). Оно вовсе не служитъ обязательнымъ спутникомъ жертвенныхъ собраній и можетъ происходить при какой угодно обстановкѣ. Встрѣтились 2—5 сектантовъ гдѣ нибудь въ полѣ, въ саду, въ горахъ, если только имъ вздумалось порадоваться, и если есть необходимый инструментъ, садятся сейчасъ же и «радѣютъ», при чемъ не прячутся отъ мусульманъ. Удивительныя и непостижимыя вещи разсказываютъ про то, какое необычайное дѣйствіе оказываетъ пѣніе на одинъ голосъ съ хоровымъ припѣвомъ, — дѣйствіе положительнымъ образомъ творить чудеса: садятся въ горящій костеръ и выходятъ даже безъ копоты, свергаются съ крутыхъ скалъ внизъ головою и встаютъ безъ малѣйшей царапины, бросаются въ воду (не умѣющіе плавать) и не тонутъ. Про гуранскій полкъ солдатовъ *فوج گوران*, который по мѣсту набора принадлежитъ собственно Султан-абаду, а при расквартированіи стоитъ въ разныхъ городахъ Персіи, ходятъ легенды. Рѣдкая отвага его и, такъ сказать, неуязвимость обязаны происхожденіемъ именно тому, что всѣ его солдаты — «люди истины»; когда то въ Хорасанѣ этому полку пришлось имѣть «дѣло» съ бунтовщиками; Гураны, подпустивъ близко противника, пустили въ ходъ ружья, причемъ одна часть ихъ одновременно начала радѣть, сопровождая каждый залпъ восторженнымъ мекѳм'омъ. Это радѣніе было талисманомъ: пули противниковъ отскакивали отъ грудей солдатъ гуранцевъ, не причиняя имъ никакого вреда. Мнѣ лично не довелось быть очевидцемъ чего либо подобнаго, но я могу засвидѣтельствовать только тотъ фактъ, что радѣніе доводитъ сектантовъ до сильнѣйшей степени экзальтаціи. Когда у насъ съ Кузиевденцемъ шла бесѣда о формѣ радѣній, онъ вдругъ запѣлъ, забилъ въ ладоши... Вотъ тутъ то я и имѣлъ возможность наблюдать, какъ

онъ весь какъ бы переродился съ первыхъ же словъ, лицо приняло совсѣмъ нечеловѣческое выраженіе; онъ весь былъ напряженъ, и всѣмъ существомъ своимъ былъ гдѣ то далеко, вопросовъ не слышалъ, легкихъ прикосновеній нечувствовалъ, и я ручаюсь, что все это было не напускное, — онъ не скоро пришелъ въ себя.

Не одинъ разъ пришлось мнѣ слышать отъ мусульманъ-персовъ о той грязи и развратѣ, которыми завершаются радѣнія сектантовъ. Подъ конецъ собраний, которыя, по ихъ увѣренію, происходятъ всегда глубокою ночью, на которыхъ женщины бываютъ такими же равноправными членами какъ и мужчины, огни тушатся, женщины снимаютъ съ себя исподнее платье (штаны) и сносятъ въ другую комнату, въ которую слѣдомъ направляются мужчины и разбираютъ принадлежности дамскаго туалета, при чемъ каждый мужчина тутъ же становится обладателемъ женщины, костюмъ которой держитъ въ рукахъ. Оргія самая безобразная, при которой не взирается на узы самаго близкаго родства.

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что въ отношеніи сектантовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, это нелѣпѣйшій наговоръ и клевета, которыя стоятъ въ самомъ явномъ и рѣзкомъ противорѣчій съ совокупностью ихъ вѣрованій, трезвостью ихъ взглядовъ и убѣжденій и моральной строгостью. Имѣютъ ли подобныя легенды вообще подъ собою твердую почву, это другой вопросъ, потому что о такихъ сатурналіяхъ сообщается въ извѣстіяхъ, очень скудныхъ, такъ сказать, мимоходомъ, о другихъ сектахъ, тоже по преимуществу курдскихъ, у которыхъ 'Али играетъ первенствующую роль главнаго божества, каковы Кызылбаши¹⁾, Огнегасители (Çirâğ-Хамұшчі, Terâh-sonderâh²⁾) (кажется есть и на Кавказѣ³⁾); мусульмане не знаютъ такихъ частностей: всѣхъ, кто только почитаетъ 'Али какъ божество, назы-

1) См. о нихъ *Journal Asiatique*, Septième série, II, p. 393; Экспедиція инженера *Иосифа Черника*, стр. 131. (Тифлисъ, 1879, Приложение къ VI тому «Извѣстій Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества»). Докторъ *Елизиевъ* также посѣтилъ этотъ «загадочный народецъ» (См. «Новое Время» № 3951, 3957).

2) *Peter Lerch*, Forschungen über die Kurden und die iranischen Nordchaldäer, St.-P., 1857, Erste Abtheilung, XVII. По разсказу, слышанному *Лерхомъ*, «къ свѣтильнику, передъ которымъ духовный глава читаетъ молитвы, привязывается *пѣтухъ*. Когда молитвы подходятъ къ концу, пѣтуха ударяютъ маленькой палочкой. Естественно, онъ не остается при этомъ спокойнымъ, а старается избѣжать ударовъ, — опрокидываетъ свѣтильникъ и гаситъ огонь. Это должно служить знакомъ къ началу безнравственной оргіи».

3) *Е. И. Чириковъ*, Путевой журналъ, СПб., 1875, стр. 282. «Разсказъ о нихъ (сатурналіяхъ Али-Иляхъ) сходится съ подробностями обрядовъ секты, извѣстной въ Турціи и существующей, какъ мы слышали, и на Кавказѣ подъ наименованіемъ *Атешъ-сёндюренъ* — гасильщиковъ огня. Нѣчто подобное, напоминающее собою жертвоприношенія Венерѣ-Анантѣ, есть будто бы и въ такъ называемыхъ религіозныхъ отправленияхъ одной изъ русскихъ раскольникскихъ сектъ».

вають 'Алі-іла́һі и этимъ довольствуются, не обращая вниманія на частности, создающія выдѣленіе и разновидность сектъ, каковыя въ дѣйствительности, напримѣръ, существуютъ между А́һлі һакк и собственно говоря 'Алі-іла́һі или Курд-баче (въ Мазандеранѣ)¹⁾. Въ дѣлѣ поддержанія и распространенія нелѣпыхъ розказень²⁾ среди необразованнаго народа о секантахъ первенствующее мѣсто занимають усердные не въ мѣру и фанатичные въ вопросахъ вѣры муллы. Странно только, почему хотя нѣкоторымъ противовѣсомъ не служатъ свидѣтельства тѣхъ лицъ, которые такъ или иначе получали доступъ на сектантскія собранія?

Обрядовая, видимая сторона сектантства въ приведенномъ «символѣ вѣры» ограничивается собраніемъ, почитаніемъ служителя, принесеніемъ жертвы, келѣм'омъ и радѣніями, и мой несомнѣнно неполный списокъ ничего не говоритъ о крещеніи, постѣ, поклоненіи св. мѣстамъ и пр.; эти пробѣлы я уже пополняю непосредственно на основаніи розказовъ моего сектанта. Когда народится новый членъ братства А́һлі һакк или испытанный предварительно послѣдователь другаго вѣроученія пожелаетъ сподобиться сектантства, то въ такихъ случаяхъ обязательно собирается собраніе единовѣрцевъ, готовится обыкновенная жертва и въ добавокъ непременно приносятся греческіе орѣхи³⁾. Тотъ же хѣдѣмъ, прежде чѣмъ приступить къ раздѣлу жертвы, беретъ орѣхи и ломаетъ ихъ со словами:

«Разломили мы орѣхъ⁴⁾ во имя такого то» (по перс. شکستیم ما جوز را به (اسم فلان کس) и раздастъ присутствующимъ. Этимъ самымъ онъ нарекаетъ имя, а лицо, имя котораго произносится, пріобщается къ братству и становится «человѣкомъ истины».

1) Слышалъ я еще объ одной религіозной сектѣ, наименованіе которой указываетъ на какую то связь ея съ Курдами, именно Курд-мѣфѣ. Нетолько подробностей, но даже простыхъ намековъ на вѣроученіе ея сообщить не могу, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было данныхъ. Имя Курд-мѣфѣ я слышалъ неоднократно, а съ сектантами этого рода не сталкивался, хотя и искалъ ихъ; какъ на сектантку указали мнѣ на одну женщину, по имени *Тутти* (попугай), находившуюся въ услуженіи у одного изъ чиновниковъ нашей Миссіи въ Тегеранѣ. По независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, я не могъ вступить съ ней въ бесѣду. Говорили (мусульмане), что она страдаетъ любовью къ водкѣ, но такая любовь можетъ быть и не въ сектанткѣ. Вообще за довѣрность указанія на *Тутти* какъ на Курд-мѣфѣ, я не ручаюсь. *Relata refero*.

2) Отмѣтимъ здѣсь между прочимъ, что, по розказу мусульманъ, сектанты *каждого* новорожденнаго бросаютъ со скалы; остается въ живыхъ тотъ только, котораго *пощадитъ* любовь 'Али, какъ истиннаго и отверженнаго его почитателя по достиженіи возмужалости.

3) У *Gobineau* — при крещеніи обязательнымъ предметомъ является шелковый платокъ (р. 355).

4) Оттуда идетъ спеціальное выраженіе на языкѣ сектантовъ جوز شکستن «преломить орѣхъ», т. е. крестить, принять новокрещенца (на ширазск. яз. (جوز شکاندن).

На вопросъ мой, почему при этомъ обрядѣ имѣетъ какъ бы символическое значеніе «орѣхъ», а не что другое, Кузіевендець сказалъ, что по преданіямъ, на которыхъ подчасъ основываются А'һлі һакк, греческій орѣхъ выросъ изъ капли пота Спасителя въ Индіи.

Постъ сектантовъ очень непродолжителенъ, всего 3 дня, но онъ отличается крайней суровостью. Начинаясь, какъ и у мусульманъ, съ ранней зари, т. е. собственно съ того момента, когда глазъ можетъ различить бѣлую нитку отъ черной, онъ прекращается съ солнечнымъ закатомъ. Въ этотъ промежутокъ не ѣдятъ, не пьютъ, не курятъ, а за всѣ три дня кромѣ того не рѣжутъ волосъ, не стригутъ ногтей и не умываются. Съ наступленіемъ же сумерокъ по закону убиваютъ пѣтуха и дѣлаютъ жертву — нѣѣѣѣѣ. Эти три дня, собственно вечера, считаются своего рода празднествомъ и называются Хурѣс-куш'ан¹⁾. Последнее обстоятельство породило сектантамъ кличку «убивателей пѣтуховъ» хурѣс-кѣш'ей.

Не оставили мусульмане безъ вниманія и убіеніе пѣтуха и въ своихъ комментаріяхъ обставляютъ его слѣдующими подробностями: пойманнаго живаго пѣтуха несутъ въ отхожее мѣсто, шею его кладутъ на порогъ и, прежде чѣмъ отрѣзать голову, произносятъ такіа слова:

Сірѣзѣ ве серѣзѣ
Тѣркі намѣз ве рѣзѣ
Ве мѣлі ін хурѣсѣ
Худѣ! Кабѣл макеі — беке
Намакеі, наке, т. е.

(Замѣна) тридцатидневнаго (поста) трехдневнымъ,
Неисполненіе молитвы и поста
(Лежить) на шеѣ этого пѣтуха.
О Господи! Принимаешь — прими,
Не принимаешь, не принимай²⁾).

1) Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы привести другія названія праздниковъ, которыя, какъ и въ древности, оканчиваются на ан: Хѣч-шѣр'ан (наше Крещеніе), Гулѣб-пѣш'ан (кажется, наша Троица), Хал'ат-пѣш'ан (день облаченія въ почетную одежду, жалованную Шахомъ), Гѣв-бур'ан (день убіенія быка).

2) На какомъ діалектѣ эта прибаутка? Подражаніе курдскому. Переводъ сдѣланъ по персидскому толкованію передатчика. Эти строки любопытны въ томъ отношеніи, что доказываютъ, что мусульмане знаютъ навѣрно, что сектанты не исполняютъ молитвы и постъ съ 30 дней сокращаютъ на три.

Эти три дня поста начинаются съ двѣнадцатой луны *большой зимней сороковницы* — *جَاءَ بِزَرَكَ* (начало ея разсчитано отъ Ноуруз'а, новаго года, 9 марта) перваго зимняго мѣсяца, такъ что время сектантскаго поста не будетъ, какъ у мусульманъ, «переходнымъ», а будетъ всегда соотвѣтствовать нашей 12-й лунѣ декабрьской.

Во времени о постѣ А'һлі-һакк расходятся съ очень близкой имъ сектой А'лі-іләһі, которые начинаютъ съ 15-й луны, т. е. съ того именно дня, когда А'һлі-һакк его уже окончили. Что касается «святыхъ мѣстъ» поклоненія и паломничества у сектантовъ, существованіе которыхъ только подозрѣвалъ *Gobineau* по аналогіи съ другими націями, то мнѣ указаны два пункта. Ходятъ на поклоненіе Бѣбѣ-Дѣгѣр'а, — мѣсто въ 8 фарсахъ (около 50 верстъ) отъ Керринда. Нашъ комиссаръ *Чириковъ*¹⁾ проѣхалъ чрезъ этотъ зѣреть и такъ описываетъ его: «Этотъ зѣреть находится въ живописнѣйшей долинѣ на срединѣ спуска къ деревнѣ Зердѣ. Зданіе построено изъ дикаго камня и выбѣлено алебастромъ; оно четырехугольной формы съ конусообразнымъ куполомъ. Передъ входомъ довольно просторная площадка, въ видѣ притвора, обнесенная каменной оградой; полъ выштукатуренъ также алебастромъ. Поклонники обыкновенно пропалзываютъ на колѣняхъ кругомъ этой площадки, прежде нежели войдутъ черезъ приступокъ въ комнату другой каменной ограды и потомъ ужъ внутрь зданія; туда ведетъ низкая и узкая дверь; комната тѣсна и слабо освѣщена черезъ дверь; посрединѣ стоитъ самая гробница въ видѣ четырехугольнаго катафалка съ небольшою рѣшеткою наверху; толстый коверъ на полу; шелковая ткань покрываетъ гробницу и на ней, обыкновенныя въ этомъ краѣ, приношенія — лоскутки, камни, окаменѣлости, мѣдныя бляхи, кажется, отъ поломанной лампы... Гробница Баба-Ядигара изъ индѣйскаго дерева. Она прислана, по словамъ Курдовъ, изъ Индіи на верблюдѣ, какимъ то благочестивымъ человѣкомъ. Цвѣтъ дерева, принимаемаго за сандалъ, коричневыя; кругомъ гробницы надпись, вырѣзанная на деревѣ, но не сквозная какъ на гробницахъ Эсфири и Мардохея... Вблизи мѣста нѣсколько бѣдныхъ домиковъ и хижинъ для дервишей...» Тамъ же *Чирикову* дервишъ показывалъ въ ручьѣ «камень съ фантастическими вырѣзками на одномъ краѣ, вѣроятно начертанными напоромъ воды или другою игрою природы. Дервишъ сказалъ, что на этомъ камнѣ Баба-Ядигаръ молился и приложилъ къ нему свою печать»²⁾.

1) Путевой журналъ *Е. И. Чирикова* 1849—1852. С. П. Б. 1875, стр. 309.

2) Стр. 308.

«Люди истины» утверждаютъ, что описанная гробница воздвигнута на могилѣ Имама Хусейна. Это лицо къ ученію сектантства пристегнуто какъ то сбоку, выдающейся роли не играетъ ¹⁾; руководясь этимъ, а также и отсутствіемъ какихъ бы то ни было сектантскихъ преданій, связанныхъ съ этимъ мѣстомъ, я полагаю, что и зиреть Бѣбѣ-Дѣгѣр не обязанъ своимъ возникновеніемъ исключительно «людямъ истины», а достался имъ по наслѣдству и принадлежитъ къ массѣ тѣхъ мѣстъ въ Персіи, хотя и почитаемыхъ, о которыхъ никто не можетъ сказать ничего положительнаго. Совсѣмъ другое дѣло второе мѣсто поклоненія, именно Пердиверъ, что значить собственно, какъ мнѣ объяснили, «на ту сторону переброшенный». Онъ, какъ мы видѣли ²⁾, находится на берегу рѣки Сирвендъ или Сирвана (въ произношеніи моего Курда Сѣревѣн) ³⁾ и есть именно остатки той стѣны, которую сложилъ Давудъ по приказанію Султана Исхака. Такимъ образомъ это не могила, а просто сооруженіе, которое было свидѣтелемъ установленія великаго таинства — нѣѣз'а и удѣлѣно до настоящаго времени. По рассказамъ въ Пердиверѣ постоянно находится «мутевелли», который смотритъ за постройкой и тамъ же стережетъ 7 барановъ, мужской приплодъ отъ которыхъ употребляется для жертвы, а женскій идетъ на обыкновенную пищу; причемъ число семь сохраняется неизмѣнно. Мостомъ для перехода черезъ рѣку служатъ двѣ необыкновенной величины виноградныя лозы, которыя растутъ тутъ съ незапамятныхъ временъ.

Какъ мѣсто поклоненія Пердиверъ стоитъ неизмѣримо выше Бѣбѣ-Дѣгѣр'а, хотя и привлекаетъ гораздо менѣе паломниковъ; это объясняется тѣмъ, что паломничество это требуетъ предварительной подготовки, а за нимъ сейчасъ же наступаетъ отрѣшеніе отъ міра (ترك دنیا). Сектанты и здѣсь, какъ и во всемъ прочемъ, — строгіе ревнители требованій; человѣкъ, не считающій себя способнымъ или готовымъ исполнить великій подвигъ отрѣшенія, не дерзаетъ предпринимать странствія къ святынямъ.

Я замѣчу въ заключеніе, что, возвращаясь въ Россію изъ Тегерана на Мазандеранъ, я проѣхалъ чрезъ двѣ деревни *Бумейнъ* и *Рудейнъ* (40 — 50

1) Признавая Хусейна, сектанты не одобряютъ تعزیه — мистерій, связанныхъ съ памятью его и его брата, имѣющихъ мѣсто у мусульманъ-шіитовъ въ первые десять дней (عاشورا) мѣсяца Мухаррема.

2) Стр. 17.

3) Систему этой рѣки см. *Чириковъ*, 1. с. стр. 537 и сл.

версть отъ столицы Персіи), пзъ которыхъ первая отчасти, а вторая вполне, населена Курд-баче или Алі-ілаһі—сектантами не вполне тѣми, о которыхъ шла рѣчь, но очень близкими: мнѣ покрайней мѣрѣ «человѣкъ истины» сказалъ, что вся разниа заключается во времени начала поста, который у Курд-баче наступаетъ тремя днями позже; это не мѣшаетъ имъ бывать на собраніяхъ и получать кусокъ или часть жертвы. За недостаткомъ времени я не вступалъ въ этихъ деревняхъ въ бесѣды о вѣрѣ, но меня замѣчательно поразили внѣшній видъ селеній. Всюду видны были слѣды зажиточности и матеріальнаго довольства, чистоты и трудолюбія, и не слышно было того гама, ругани, споровъ, которыми полны улицы деревень «шаріат'а». Это потому, что живутъ въ нихъ своего рода «Люди истины» по правиламъ любви къ истинѣ.

В. Жуновскій.